

— Эти вещи я велела ему принести! Они сами выросли в расщелинах скал, он их не крал!

Раз Господин сказал, что украл — кто посмеет возразить? Ху Бинцин фактически пошла наперекор Чу Цзюиню ради Янь Цзызюня прямо на глазах у всех. Едва договорив и не дожидаясь вспышки ярости хозяина, она с глухим стуком рухнула на колени у его ног.

Она была девицей сметливой и понимала: хозяин мечет громы и молнии лишь потому, что Цзызюнь ему не по нраву. Он просто искал повод, чтобы от него избавиться. Если она сейчас не умерит пыл и не выкажет почтения, Господину будет трудно отступить, не потеряв лица.

Чу Цзюинь, видя её притворство, раздражился ещё сильнее:

— И ты туда же? Вечно лезешь не в своё дело, никаких правил не знаешь! С чего ты это взяла? На каком основании несёшь чепуху?

Несмотря на его гнев, Бинцин и бровью не повела. Она заговорила проникновенно, всем видом выказывая преданность:

— Хозяин, я не лгу! В тех горах столько небесных сокровищ... Кроме того, что мы сажаем сами, сколько добра гниёт в земле — никто и не ведает. Взгляните на эти линчжи. Разве мог Лао Юань вырастить такое в своём огороде?

Присутствующие посмотрели на рассыпанные по земле вещи. Это были несколько огромных грибов линчжи — изящных и причудливых, с блестящими, словно покрытыми лаком шляпками. Судя по виду, им было не меньше сотни лет — товар высшего качества.

Кто-то в толпе прошептал:

— Лао Юань и с овощами-то едва справляется — то их червь попьёт, то сохнут, как старая ботва. Где ему такое вырастить? Похоже, парень и вправду их не крал.

Чу Цзюинь, услышав это, внешне остался бесстрастен, но про себя выругался: «Псы приبلудные, только и знают, что хвостом перед чужаками вилять!»

Бинцин, заметив поддержку, поспешила добавить:

— Пару дней назад мне нездоровилось, вот я и попросила этого паренька набрать диких линчжи для укрепления сил. Для нас ведь это — пустяк, сорняки, до которых никому дела нет. Подумаешь, принёс немного, разве это нарушение правил?

Она хитро прищурилась, украдкой наблюдая за выражением лица Чу Цзюиня:

— Сегодня ведь канун Нового года. Вышло досадное недоразумение, да и наказание он уже понёс... Может, смените гнев на милость?!

Чу Цзюинь понимал: если он сейчас жестоко расправится с Цзызюнем, это и впрямь будет выглядеть мелочно, да и Чжу Тяньган со стороны посмотрит — только посмеётся. К тому же, если этот задохлик и вправду помрёт, это подпортит карму, что для пути совершенствования совсем некстати.

Взвесив всё, он решил, что овчинка выделки не стоит. Управляющий Цзя верно советовал: приструнить мальчишку можно тысячью способов, незачем спешить.

Но то, что Бинцин при всех заступилась за чужака, заставило Чу Цзюиня снова закипеть:

— Я видел, как пару дней назад ты с Лиинь спускалась с горы — целую телегу добра накупили. Когда это ты успела захворать? Если вздумала меня дурачить — сдеру шкуру!

Бинцин испуганно замахала руками:

— Ой-ой, Господин, разве посмею я лгать! Вы только гляньте на моё лицо... — она ткнула пальцем в щёку. — Всё в красных прыщах, смотреть тошно!

Чу Цзюинь, презирая её уловки, холодно фыркнул:

— Кожа гладкая, как шёлк, ни единого пятнышка. Что ты мелешь?

— Ах, это я пудры густо наложила, — искренне ответила Бинцин. — Погода нынче сухая, холодная, а я ещё перед праздником объелась острой снеди, вот лицо и зачесалось, воспаление пошло... А отвар из линчжи лучше всего жар снимает и зуд унимает...

Её болтовня заставила окружающих переглядываться в замешательстве. Цзя Лун, видя, что гнев хозяина поутих, а толпа вдоволь насмотрелась на зрелище, решил вмешаться:

— Сегодня канун праздника, мороз стоит крепкий. Негоже Господину мёрзнуть из-за такой чепухи.

Он набросил плащ на плечи Чу Цзюиня и подмигнул Бинцин:

— Уводи его скорее. Что он тут глаза мозолит?

— Да-да, господин Управляющий прав. Я сейчас же заберу этого недотёпу с глаз долой.

Чу Цзюинь выпил немало вина этой ночью, а после шумной ссоры почувствовал навалившуюся усталость. Запахнувшись в плащ, он взял Чжу Тяньгана под руку и направился во внутренние покои.

Зрители, видя, что главные действующие лица ушли, мгновенно разбрелись кто куда.

Как только толпа рассеялась, приветливая улыбка тут же слетела с лица Бинцин. Она сердито прикрикнула:

— Мерзавка! Чего прячешься? Помоги давай!

Из золотистого тумана перед ней соткалась девушка в жёлтых одеждах.

— Ты у нас самая умная, — ворчала Бинцин, подхватывая Цзызюня под пояс, — испугалась хозяйского гнева, спряталась подальше. Хоть бы словечко за меня замолвила.

Лиинь обиженно пробормотала:

— Это ведь я тебе весточку подала, позвала на помощь, а не то хозяин забил бы его до смерти.

Она попыталась поднять Цзызюня за ноги, чтобы поставить вертикально, но Бинцин оттолкнула её руку и сама легко подхватила парня, неся его на руках, словно ребёнка.

— Руки у тебя не из того места растут! Идём скорее, а то, неровен час, дух испустит.

Лиинь не стала спорить. Девушки обернулись бесплотными тенями и в мгновение ока перенесли Цзызюня в его уединённый, запущенный дворик. У дверей Лиинь лишь дунула на замок — и бронзовые дужки с тихим звоном пали на землю.

Войдя внутрь, Лиинь огляделась и вздохнула:

— Сестрица, смотри-ка, а он тут всё неплохо прибрал.

Бинцин было не до праздных разговоров. Она опустила парня на кровать, обернулась к столу и плеснула в чашу воды. Достав из рукава пилюлю, она с помощью Лиинь приподняла Цзызюня и силой влила лекарство ему в горло.

Опасаясь оставлять его одного, девушки решили дежурить по очереди. Когда Цзызюнь пришёл в себя, была уже вторая половина ночи, и за ним присматривала Бинцин.

Едва открыв глаза, Цзызюнь почувствовал обжигающую боль в шее и груди. Увидев Бинцин,

которая дремала у края кровати, положив подбородок на скрещенные руки, он догадался, кто снова спас его в роковую минуту.

Он попытался сесть, и Бинцин тут же проснулась. Цзызюнь хрипло спросил:

— Это вы... сестрица, спасли меня?

Ху Бинцин сладко зевнула, потирая глаза:

— А кто же ещё, по-твоему?

Цзызюнь хотел сползти на пол, чтобы поклониться в знак благодарности, но Бинцин строго оборвала его:

— Упрямец! Я же говорила тебе — не носи ничего! Не послушал, и вот результат: Господин в ярости, тебя едва не забили до смерти. Скажи, разве ты не сам виноват?!

Цзызюнь, одетый в лохмотья, сидел на коленях, низко опустив голову и не проронив ни звука. Лишь когда Бинцин заметила на полу две мокрые точки, она поняла, что довела его своими попреками до слёз, и почувствовала укол сожаления.

Сменив гнев на милость, она подняла его с пола:

— Ладно, ладно, не буду больше ворчать. Те линчжи, что ты принёс... они и впрямь чудесные, очень мне помогли. Спасибо тебе.

Она помолчала, а затем добавила:

— Не знаю почему, но Господин ко всем нам добр, а на тебя словно цепного пса спускает. Не знаю причины, но советую тебе: старайся не попадаться ему на глаза. В следующий раз я могу и не успеть.

Цзызюнь ничего не ответил, лишь едва слышно угукнул, не поднимая головы.

Бинцин поднялась, накинула одеяло на спящую у стола Лиинь и огляделась. Потрёпанная хижина заметно преобразилась. Когда-то это была заброшенная развалюха, куда Господин сослал Цзызюня на верную гибель, но парень оказался гордым — он не пожелал влачить жалкое существование и своими силами навёл здесь порядок.

Весь мусор со двора исчез. Грубая мебель в комнате стояла ровно, постель была чистой и взбитой. Столы, скамьи и даже кирпичный пол сияли чистотой. Отбитый угол стола он

аккуратно заделал подходящим куском дерева. Неизвестно как, но он раздобыл промасленную бумагу и тщательно заклеил ажурные оконные рамы — теперь зимой здесь было не так зябко, хотя углей в жаровне всё ещё не водилось.

Перед домом он сложил новые ступени из сырцового кирпича — должно быть, одолжил инструменты у Лао Юаня. Сами инструменты и остатки кирпичей были аккуратно сложены в углу у входа.

— А ты работающий, — похвалила Бинцин. — Ты ведь весь день на побегушках у Лао Юаня, дел невпроворот... Как у тебя ещё силы остаются эту лачугу обихаживать?

— Пока я жив... я должен проживать каждый день по-настоящему, — тихо ответил Цзызюнь. — Если не держать всё в чистоте, то как... как иначе? Человеку всегда нужно иметь какую-то цель, какую-то искру в душе.

Раны на шее Цзызюня больше не кровоточили, но всё ещё саднили. Он коснулся кожи — странно, разодранная плоть затянулась всего за ночь, остался лишь длинный багровый след.

— Сестрица.

— А?

— У вас... великие способности.

— Что? О чём ты? — Бинцин проследила за его пальцем, указывающим на шею, и рассмеялась: — На этот раз не моя заслуга. Благодарю господина Чжу — друга нашего Хозяина, того, что выглядит как учёный.

Повезло, что Старый Чжу перед уходом оставил пузырёк снадобья: стоило приложить его к кровавому месиву и посыпать порошком — раны затянулись в миг. «Всё-таки мастер своего дела! — подумала Бинцин с усмешкой. — Не зря столько лет пилюли варил».

Она была довольна: дело сделано чисто, и не пришлось тратить десятилетия духовной силы, чтобы вытянуть мальчишку с того света.

Бинцин коснулась остатков туши в чернильнице и заметила на полке аккуратно расставленные книги. Подойдя ближе, она с удивлением обнаружила, что это классические каноны и исторические труды, которые обычно читают учёные мужи.

— Ого, ты и такое почитываешь?

Цзызюнь опустил взгляд, слегка смутившись:

— Да... читаю иногда, когда дел нет. Нужно же чем-то занять ум.

— И зачем тебе это? — Бинцин на секунду задумалась, а потом притворно ахнула: — Неужто надеешься когда-нибудь выбраться отсюда, сдать экзамены и получить от императора чин?

Цзызюнь честно кивнул:

— Есть такие мысли.

— Ха-ха-ха! — Бинцин разразилась громким смехом, но, спохватившись, что это может обидеть парня, с трудом сдержалась. — Хорошо, хорошо... У тебя есть воля, это похвально.

Цзызюнь покраснел ещё гуще. Пытаясь сменить тему, он указал на окно:

— Сестрица Ху, посмотрите.

Бинцин проследила за его взглядом и улыбнулась:

— Это сестрица Лиинь вырезала, я к такому не способна. Она приклеила, пока ты спал, — говорит, праздник ведь, пусть в доме будет хоть немного радости.

На оконной бумаге красовался маленький вырезанный узор. Сверху — пышный и круглый иероглиф «счастье», а внизу — рыбы, резвящиеся среди лотосов. Знак того, что год за годом в доме будет достаток.

Цзызюнь посмотрел на картинку и вдруг улыбнулся. Он прищурился, превратив глаза в два живых полумесяца, а зрачки засияли, словно чистейшие звёзды в ночном небе. В этот миг на душе у него было легко, и его лицо — чистое, не затронутое мирской суетой — казалось удивительно трогательным и милым.

Бинцин на мгновение замерла, замороженная его лицом, а затем её охватило крайнее изумление:

— Постой-ка, Заика... а куда делось твоё заикание?!

<http://bllate.org/book/17484/1693239>